

Политико-экономические факторы распределения межбюджетной помощи в современной России

Малкина Марина Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, e-mail: mmuri@yandex.ru

Цитирование: Малкина М.Ю. (2022). Политико-экономические факторы распределения межбюджетной помощи в современной России. *Terra Economicus* 20(3), 6–21. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-6-21

В федеративных государствах с большими межрегиональными различиями важной проблемой является эффективное перераспределение ресурсов через федеральный бюджет. Межбюджетная помощь в таких государствах выполняет ряд функций: выравнивающую, социальную, стимулирующую, стабилизационную. На распределение федеральных трансфертов между регионами оказывают влияние макроэкономические факторы, а также институциональная среда, политические процессы в стране. Целью настоящего исследования является установление влияния политико-экономических факторов на распределение федеральных трансфертов между субъектами Российской Федерации. Разработана многофакторная модель зависимости уровня федеральной помощи регионам в 2020 г. от логарифма собственных доходов субфедеральных бюджетов на душу населения, уровня социальной нагрузки на работающих, инвестиционной активности, площади на душу населения и индекса политической лояльности регионов. Индекс политической лояльности региона сконструирован на основе официальных данных о результатах голосования и явке избирателей на выборах в Государственную думу 2016 г., президентских выборах 2018 г. и референдуме по поправкам в Конституцию 2020 г. Оценивание модели методом наименьших квадратов подтвердило выполнение федеральными трансфертами в РФ выравнивающей, социальной и стимулирующей (инвестиционную активность) функций. В то же время обнаружена неоднозначная связь уровня федеральной помощи с индексом политической лояльности региона, выражающаяся в явной поддержке наиболее лояльных регионов и дифференцированном отношении к менее лояльным регионам, часть которых могли получать стимулирующие выплаты. Проведенное исследование может быть полезно для управления институциональной и политико-экономической средой российской экономики с целью повышения эффективности межбюджетной помощи в стране.

Ключевые слова: российские регионы; доходы субфедеральных бюджетов; федеральные трансферты; распределение; политические предпочтения; политическая лояльность

Inter-budgetary aid in Russia: Political and economic factors

Marina Malkina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia, e-mail: mmuri@yandex.ru

Citation: Malkina M. (2022). Inter-budgetary aid in Russia: Political and economic factors. *Terra Economicus* 20(3), 6–21 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-6-21

In federal states with large inter-regional differences, an important problem is the effective redistribution of resources through the federal budget. Inter-budgetary assistance in such states performs a number of functions: equalizing, social, stimulating, stabilizing. The distribution of federal transfers between regions is influenced by macroeconomic factors, as well as the institutional environment and political processes. This study aims at identifying the influence of political and economic factors on the distribution of federal transfers between the constituent entities of the Russian Federation. The multifactorial model shows the dependence of the level of federal assistance to the regions in 2020 on the logarithm of own sub-federal budget revenues per capita, the level of social burden on employees, investment activity, area per capita, and the index of political loyalty of the regions. The region's political loyalty index is built on the basis of official data on voting results and voter turnout in the 2016 State Duma elections, the 2018 presidential elections, and the 2020 constitutional amendment referendum. Evaluation of the model by the least squares method confirmed that federal transfers in the Russian Federation perform equalizing, social, and stimulating (investment activity) functions. An ambiguous relationship was found between the level of federal assistance and the region's political loyalty index, which is expressed in clear support for the most loyal regions and a differentiated attitude towards less loyal regions, some of which could receive incentive payments. Research findings can be used to manage institutional environment to increase the effectiveness of inter-budgetary assistance in Russia.

Keywords: Russian regions; revenues of sub-federal budgets; federal transfers; distribution; political preferences; political loyalty

JEL codes: D72; H77; R12

Введение

Изучение политико-экономических основ распределения межбюджетной помощи в федеративных государствах представляет особый исследовательский интерес. В России, где в последние 20 лет происходит централизация финансовых ресурсов и существенная трансформация фискальных институтов, исследования такого рода представляются чрезвычайно актуальными. При этом важно выявить функции межбюджетных трансфертов, определить влияние формальных и неформальных правил и структуры трансфертов на их эффективность.

В настоящей работе мы исследуем теоретические подходы к формированию эффективной межбюджетной помощи в федеративных государствах, анализируем влияние российской институциональной среды на конфигурацию межбюджетных отношений в современной России. В контексте изучения функций федеральных трансфертов исследуется их связь с уровнем развития и обеспеченностью региона собственными налоговыми и неналоговыми доходами, его инвестиционной активностью, социальной нагрузкой на работающих, масштабами территории и плотностью населения региона и пр.

Однако в современных российских условиях чисто объективные основания выделения трансфертов далеко не полностью объясняют масштабы представляемой регионам федеральной помощи. В последнее время наблюдается снижение доли трансфертов, распределяемых согласно правилам, и уменьшение доли нецелевых трансфертов (Зубаревич, 2015; Малкина, 2021). Первое снижает прозрачность во взаимоотношениях регионов с центром, открывает возможности для лоббирования и манипулирования. Второе уменьшает уровень самостоятельности регионов в определении направлений использования помощи, вписывается в технологии дирижизма и ручного управления регионами со стороны центра. В условиях роста неформальной составляющей в межбюджетных отношениях в распределении трансфертов проявляют себя как политические преференции центра, так и административный капитал и лоббистские возможности региональных лидеров. Особенно явным это стало во время кризиса, вызванного распространением коронавирусной инфекции.

В зависимости от стадии политического делового цикла и восприятия собственных выгод и угроз центр может руководствоваться либо стратегией поощрения лояльных, либо подкупа оппозиционных регионов. Для выявления подобных эффектов мы сконструировали индекс политической лояльности региона, зависящий от голосования и явки избирателей регионов на выборах в Государственную думу в 2016 г., президентских выборах 2018 г. и референдуме по поправкам в Конституцию 2020 г., что охватывает достаточно большой период. Предложенный индекс лояльности включен в нашу эконометрическую модель наряду с другими параметрами, объясняющими уровень межбюджетной помощи российским регионам. С его помощью осуществляется проверка гипотез о присутствии двух стратегий федерального центра в распределении межбюджетных трансфертов.

Отражение проблемы в современных исследованиях

В федеративных государствах с большими различиями в экономическом потенциале и уровне развития территорий перераспределение финансовых ресурсов через федеральный центр становится важным инструментом межрегионального выравнивания. При этом возникают, как минимум, две проблемы: эффективного размещения финансовых ресурсов (обоснованного уровня их централизации) и их эффективного перераспределения для достижения социально значимых целей и роста благосостояния общества. В связи с этим в современной литературе обычно выделяются три функции трансфертов: выравнивающая (уменьшение горизонтальных дисбалансов), стимулирующая (опережающий экономический рост регионов-реципиентов помощи) и стабилизационная (повышение устойчивости региональных бюджетов в периоды кризисов, когда федеральная помощь призвана компенсировать выпадающие собственные доходы регионов и замещать рост внутреннего долга). Также можно отдельно выделить социальную функцию трансфертов, связанную с обеспечением равного доступа населения регионов к общественно значимым благам (здравоохранению, образованию, социальному обеспечению).

Заметим, что каждой из перечисленных функций в российской бюджетной системе соответствует свой тип трансфертов:

- *снижение межрегионального неравенства* осуществляется с помощью дотаций на выравнивание (наиболее формализованный нецелевой вид помощи, выделяемой согласно четко установленным правилам, соответствующим принципам роулсианской справедливости. В последнее время наблюдается тенденция к снижению доли такого вида федеральной помощи);
- *стабилизационная функция* реализуется через дотации на сбалансированность бюджетов (их доля обычно растет во время кризисов, однако в России это самый непрозрачный вид трансфертов, не имеющий четко установленных единых правил распределения). Кроме того, во время кризисов и шоков (типа пандемии 2020) стабилизационную функцию выполняют и другие типы трансфертов, например, субвенции;
- *стимулирующая функция* реализуется посредством субсидий (предполагающих софинансирование инвестиционных проектов со стороны регионов). Это наиболее гибкая

часть трансфертов, которая вместе с так называемыми «иными межбюджетными трансфертами» с большей вероятностью является объектом лоббирования и манипулирования. Поскольку субсидии связаны с инвестиционными расходами, они непосредственно призваны стимулировать экономический рост со стороны совокупного предложения, хотя другие типы трансфертов также влияют на него, главным образом, со стороны совокупного спроса;

- *социальную функцию* выполняют субвенции (ассигнования регионам на социальные мероприятия, вытекающие из постановлений верхних уровней власти).

Исследователи обращают внимание на то, что кроме заявленных целей трансферты могут вызывать побочные, иногда нежелательные эффекты (*spill-over effects*). Так, в работе (Lago et al., 2022) обобщаются прямые и косвенные последствия межбюджетной помощи, рассматриваемые в современной литературе. Анализируется ее влияние на выбор в налоговой политике, масштаб и структуру региональных расходов, фискальную стабильность и поведение экономических агентов. Также изучаются политические последствия федеральной помощи (такие как снижение автономии регионов и ослабление подотчетности власти населению).

Большинство исследователей делает акцент на *выравнивающей функции трансфертов*. Путем перераспределения ресурсов федеральный центр призван обеспечить установление единых социальных стандартов, выравнивание уровня жизни населения разных регионов. Такие проблемы существуют и активно обсуждаются в США, Канаде, Бразилии, Италии, Китае, России и других странах. Перераспределение ресурсов от более развитых регионов к отстающим может приводить как к положительным, так и отрицательным последствиям. Согласно ресурсному подходу, оно позволяет увеличить потенциал отстающих регионов, вовлечь в производство незадействованные региональные ресурсы (*crowding-in effect*), препятствует их миграции в другие регионы, способствует опережающему экономическому росту получателей помощи и преодолению «порочного круга нищеты».

В то же время перераспределение может подавлять экономические стимулы как у регионов-реципиентов (к преодолению отсталости), так и у регионов-доноров (к развитию собственного налогового потенциала), а также порождать так называемый «эффект вытеснения» (*crowding-out effect*) госрасходами частных инвестиций. В ряде развитых стран, например в Канаде, фискальное перераспределение вызывает также мобильность населения в слаборазвитые регионы в поисках субсидий, что приводит к необоснованному росту поддержки и растрачиванию государственных финансовых ресурсов (Albouy, 2012). Получение масштабных грантов может стать причиной неэффективного размещения ресурсов и роста непроизводительных расходов (Hailemariam and Dzhumashev, 2019), стимулировать коррупцию (Fisman and Gatti, 2002) и рентоориентированное поведение (Kotsogiannis and Schwager, 2006). Более того, масштабное перераспределение доходов требует подчинения налоговой политики целям фискального выравнивания, что нередко приводит к установлению искажающих налогов на капитал, труд или ресурсы (Hom-Hladulla, 2020). Так, сравнение бюджетных потоков в Италии в 2000–2008 и 2009–2016 гг. (Petraglia et al., 2020) показало, что после финансового кризиса фискальная политика потеряла значительную часть своей эффективности как в плане долгосрочного межрегионального выравнивания, так и в краткосрочной стабилизации доходов. Более того, временами она не смягчает, а усиливает региональные различия в доходах на душу населения.

Современные исследователи не пришли к единой точке зрения и относительно эффективного уровня централизации ресурсов с целью последующего выравнивания. В работе (Alexeev and Mamedov, 2017) предлагается индекс децентрализации и оценивается влияние на него факторов, соответствующих основным теоретическим концептам, в регионах России (2005–2013 гг.) и в штатах США (1997–2013 гг.). С помощью построения серии эконометрических моделей авторы находят подтверждение устойчивого влияния исследуемых факторов в США, но не находят такого подтверждения для России. Последнее, с их точки зрения, является отражением роста политической и экономической централизации и упадка демократических институтов в стране.

В экономической литературе изучаются как позитивные, так и негативные последствия централизации ресурсов. Так, в работе (Bellofatto and Besfamilie, 2021) показано, что в экономиках

с большими межрегиональными различиями централизация финансовых ресурсов помогает смягчить региональное неравенство, но имеет негативный побочный эффект в виде чрезмерного выделения средств на местные проекты. При этом выводы ученых относительно последствий фискальной децентрализации неоднозначны. Например, исследования по китайским провинциям показали, что децентрализация бюджетных доходов и расходов в 1978–2007 гг. привела к росту межрегионального фискального неравенства (Song, 2013; Liu et al., 2017). А исследование по кантонам Швейцарии в 1945–2014 гг. (Feld et al., 2021), напротив, обнаружило снижение бюджетного неравенства вследствие фискальной децентрализации.

Аналогичные исследования проводились и для российской экономики. Например, Ди Белла и коллеги (Di Bella et al., 2018) пришли к выводу, что федеральные трансферты регионам России помогают уменьшить диспропорции, возникающие из-за разнородности региональной налоговой базы и налоговых поступлений, но не приводят к существенному улучшению региональной фискальной устойчивости, что выражается в отсутствии долгосрочной конвергенции регионов по уровню реальных доходов на душу населения. Алексеев и Чернявский (Alexeev and Chernyavskiy, 2018) сравнили эффективность трансфертов в российской экономике в период двух кризисов: 2009 г. и 2014–2015 гг. Авторы пришли к выводу, что, хотя второй кризис сильнее ударил по собственным доходам беднейших регионов, изменение характера трансфертов в этот период способствовало еще большему росту межрегионального неравенства.

Другой функцией межбюджетных трансфертов является *стимулирование экономического развития и роста в регионах*. Она реализуется через выделение регионам средств на инвестиционное развитие, участие их в реализации национальных проектов. Стимулирующая функция федеральных трансфертов изучалась в ряде работ отечественных авторов. В частности, в статье (Юшков, 2016) на основе эконометрического моделирования с использованием панельных данных по российским регионам за 2005–2012 гг. показано, что зависимость регионов от межбюджетных трансфертов значимо положительно влияет на их экономический рост. К аналогичным выводам приходит А. Михайлова (2017). Анализируя данные по российским регионам в 2006–2014 гг., автор обнаружила положительное влияние на экономический рост в регионах инвестиций из федерального бюджета и наибольшую (среди всех трансфертов) эффективность субсидий – для достижения цели роста. В другой работе (Михайлова и др., 2018) на примере отрасли сельского хозяйства показано, что стимулирующие субсидии способствуют увеличению доли отрасли в валовой добавленной стоимости региона.

Эффективность межбюджетных трансфертов связана не только с их положительным влиянием на экономический рост, но и с их способностью вовлекать местные ресурсы и повышать экономический потенциал в будущем. По мнению А. Дерюгина (2016), эффективность межбюджетной помощи можно оценивать на основе показателя замещения федеральных трансфертов собственными доходами регионов. В своем исследовании на российских данных за 2005–2016 гг. ученый обнаруживает подобное замещение, но приходит к выводу, что для большинства российских регионов оно является крайне низким. Замещение выше 32–61% характерно для бедных регионов с низким уровнем бюджетной обеспеченности (менее 0,6 до выравнивания), однако это скорее снижает их стимулы к наращиванию собственного потенциала. Е. Тимушев (2018) пришел к выводу об отсутствии в федеральной помощи российским регионам в 2005–2015 гг. так называемого «эффекта липучки» (*flypaper effect*), согласно которому федеральные гранты стимулируют увеличение региональных общественных расходов в большей степени, чем повышение аналогичных частных вложений. Заметим, что «эффект липучки» по-разному оценивается исследователями. Некоторые ученые рассматривают его как свидетельство избыточных расходов, тогда как позитивным эффектом федеральной помощи, на их взгляд, должно стать не увеличение региональных расходов, а сокращение налоговых ставок, что, собственно, и должно стимулировать экономический рост.

В то же время Юшков и др. (2018) показали, что имевшее место в российской экономике в 2012–2016 гг. сокращение межбюджетных трансфертов (особенно субсидий) не стимулировало регионы к увеличению собственной налоговой базы. Наоборот, трансферты часто замещались бюджетными кредитами и накопленной задолженностью. Отчасти это связано с тем, что увели-

чение налогооблагаемой базы является труднодостижимой целью в краткосрочном периоде, а полномочия субнациональных властей в плане установления налоговых ставок в России сильно ограничены.

В условиях кризиса или воздействия внешних шоков межбюджетные трансферты призваны выполнять также *стабилизирующую* и *страховую функцию* (Xing and Fuest, 2018). При этом важно, чтобы доходы от трансфертов были контрциклическими, а не проциклическими. Последнее обеспечивается либо через соответствующие правила их построения («автоматические стабилизаторы»), либо посредством оперативного управления и дискретного изменения в цикле. Между тем исследователи приходят к противоположным выводам относительно автоматической стабилизационной функции трансфертов в разных странах, что зависит от их свойств (Blöchliger and Egert, 2017).

На стабилизационную роль межбюджетных трансфертов в России в период мирового финансового кризиса обратили внимание Божечкова и др. (2018). Построенные ими эконометрические модели доказали, что в долгосрочном периоде федеральные трансферты способствовали стабилизации доходов только среднеобеспеченных регионов России. Согласно другому исследованию, посвященному оценке и декомпозиции показателя устойчивости бюджетных доходов российских регионов в 2010–2017 гг. (Малкина, 2021), вклад безвозмездных поступлений в доходность консолидированных бюджетов субъектов РФ (18,7%) незначительно превысил их вклад в риск (17,8%), а трансферты в целом продемонстрировали слабую контрциклическую роль. Однако для разных видов трансфертов ситуация оказалась принципиально различной. Исследование показало, что в рассматриваемом периоде устойчивый рост бюджетных доходов в основном обеспечивали субвенции, за ними следовали дотации. А наибольшую дестабилизирующую роль играли субсидии – главным образом в силу своей проциклической роли.

Стабилизирующая функция трансфертов проявляется не только в цикле, но и в периоды воздействия внешних шоков. Так, стабилизационная функция трансфертов отчетливо проявилась в разных странах в период кризиса, вызванного пандемией 2020 г. (Chen et al., 2021; Faria-e-Castro, 2021). Некоторые авторы также обнаружили положительный долгосрочный мультипликативный эффект фискального стимулирования во время пандемии, распространяющийся на восстановительный период (Kinda et al., 2022).

В российской экономике в период пандемии беспрецедентный рост межбюджетных трансфертов (только в 2020 г. +54%) компенсировал не только выпадающие собственные (налоговые и неналоговые) доходы субфедеральных бюджетов, но и рост расходов на здравоохранение, социальное обеспечение и активную реализацию национальных проектов (Дерюгин, 2020; Зубаревич, 2021; Малкина, 2022). Тем самым межбюджетные трансферты способствовали повышению устойчивости бюджетных систем регионов к коронакризису.

В ряде работ анализируются макроэкономические и институциональные условия, способствующие построению эффективной системы бюджетного федерализма в стране. Например, Одинг и др. (2016) среди них выделяют: достижение высокого уровня ВВП на душу населения; четкое разграничение полномочий и ответственности между уровнями власти; четкость правил и процедур предоставления межбюджетных трансфертов; автономию субнациональных бюджетов. При этом авторы указывают на отклонение российских условий от указанного состояния, в частности, отмечают: искаженность структуры доходов федерального бюджета; рост зависимости регионов от федеральных трансфертов и снижение дискреционности их расходования; нарушение баланса доходных полномочий и расходных обязательств на субфедеральном уровне.

В то же время Н. Зубаревич (2015) выделяет факторы, способствующие консервации серьезных межрегиональных различий в России и препятствующие институциональным преобразованиям в фискальной сфере. К ним относятся: отсутствие нацеленности межбюджетных отношений на развитие регионов; низкая эффективность государственных инвестиций в совокупности с плохим инвестиционным климатом; зависимость региональных доходов от перераспределения неустойчивой нефтяной ренты; неконкурентоспособность отраслевой структуры многих региональных экономик; низкая территориальная мобильность населения.

Существенное влияние на эффективность системы межбюджетных трансфертов в различных странах оказывает совокупность *формальных и неформальных правил распределения межбюджетной помощи*. Помимо правил построения и основных свойств трансфертов (целевые/нецелевые, формализованные/дискреционные), а также их структуры, на их распределение оказывают влияние политико-экономические факторы. Прежде всего, достаточно большая группа исследователей связывает выделение трансфертов с политическим бизнес-циклом (Joanis, 2018; Lara and Toro, 2019; Corvalan et al., 2018; Gonschorek, 2021). Авторы указывают, что тактические цели властей (желание быть избранными) и фаворитизм могут оказывать на распределение трансфертов не меньшее влияние, чем соображения справедливости и эффективности. При этом исследования по Китаю (Song, 2013) и России (Лавровский и Горюшкина, 2021) подтверждают негативное влияние политически обусловленных трансфертов на фискальную эффективность и межрегиональную согласованность.

Некоторые авторы отмечают, что политические предпочтения и пристрастия как фактор распределения трансфертов скорее срабатывают в странах с менее демократическими режимами. Например, исследование (Bugarin and Marciniuk, 2017) подтвердило присутствие в двухгодичном электоральном цикле в Бразилии так называемых «стратегических трансфертов», согласно которым большую поддержку получают штаты, мэры которых принадлежат к партии действующего президента. Однако некоторые авторы находят подтверждение влияния политических предпочтений на распределение федеральных ресурсов и в развитых демократиях, что особенно проявилось во время пандемии 2020–2021. В частности, в (Clemens and Veuger, 2021) обнаружено, что в США объемы межбюджетной помощи находились в прямой и значимой связи с количеством представителей в сенате от 1 млн жителей штата и долей представителей от Демократической партии.

Согласно (Kang, 2018), в США политики, напротив, могут увеличивать финансирование штатов, где велика доля колеблющихся избирателей, руководствуясь стратегией «бочонок с салом» (rock barrel). Однако они склонны это делать во время избирательной кампании и в штатах с сильной оппозицией, что снова вписывает трансферты в политический бизнес-цикл. А. Стародубцев (2009), помимо двух групп экономических стратегий российских властей (выравнивающей vs стимулирующей), выделяет две политические стратегии в распределении трансфертов: «умиротворение оппонентов» vs «поощрение друзей». С помощью разных спецификаций моделей ученый находит подтверждение присутствия обеих политических стратегий для периода 2000–2006 гг. В то же время в работе (Yakovlev et al., 2011) показано, что восприятие российскими федеральными властями потенциальных угроз со стороны региональных элит влияло на распределение трансфертов в России в начале 2000-х, однако снижение политической конкуренции со временем значительно ослабило это влияние.

Следует отметить, что наличие большой неформальной составляющей в межбюджетных отношениях может использоваться не только федеральной властью для достижения своих политических целей, но и быть предметом лоббирования со стороны региональных властей, вписываясь в модели политического торга. Манипулирование сверху и лоббирование снизу могут проявляться как совместные стратегии федеральных и региональных властей. Н. Зубаревич (2015) подчеркивает, что практика «ручного управления» бюджетным процессом в России и снижение доли формальных трансфертов (распределяемых по четко установленным правилам) сами по себе стимулируют процесс лоббирования и негативно влияют на региональные стимулы.

В связи с этим отдельные авторы изучают влияние авторитета, административного ресурса региональных лидеров на получение межбюджетных трансфертов. Например, в статье (Sharafutdinova and Turovsky, 2017) на основе российских данных за 2002–2012 гг. показано, что административный ресурс регионального лидера и формирование долгосрочных отношений с федеральными чиновниками являются важными факторами привлечения федеральных средств в регион. Проведенный учеными эконометрический анализ выявил значимость для получения трансфертов двух факторов: а) количества визитов федеральных властей в регионы как показателя лоббистской способности губернаторов; б) явки избирателей на выборах как одного из показателей регионального административного потенциала.

Таким образом, предшествующие исследователи изучали функции и эффективность межбюджетной помощи в разных странах, влияние на нее макроэкономических и политико-экономических факторов, институциональной среды. Отличие настоящего исследования заключается в создании многофакторной модели для российских регионов, в которую вписываются разные функции трансфертов и их политико-экономическая составляющая. Также нами охвачен более свежий период исследования, отразивший влияние коронакризиса 2020. Цель исследования – подтвердить влияние на уровень федеральных трансфертов российским регионам ряда значимых экономических показателей и уровня политической лояльности регионов.

Данные и методы исследования

В нашем исследовании использовались официальные данные по 85 субъектам РФ:

- основные макроэкономические показатели региональной статистики Росстата за 2020 г. (https://rosstat.gov.ru/regional_statistics);
- данные Федерального казначейства РФ об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2020 г. (<https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannyj-byudzheto/>);
- данные Центральной избирательной комиссии РФ о явке и результатах голосования в субъектах РФ на выборах в Государственную думу РФ 2016 г., выборах Президента РФ в 2018 г., а также референдуме по поправкам в Конституцию 2020 г. (<http://www.cikrf.ru/>).

На основе последней группы данных был сконструирован индекс политической лояльности региона к федеральной власти:

$$Loyal = \alpha_1 \cdot \beta_1 + \alpha_2 \cdot \beta_2 + \alpha_3 \cdot \beta_3, \quad (1)$$

где α_1 – доля избирателей в регионе, голосовавших на выборах 2016 г. в Государственную думу за партию власти («Единую Россию»);

β_1 – явка избирателей на выборах в Государственную думу в 2016 г., т.е. доля принявших участие в выборах;

α_2 – доля проголосовавших на президентских выборах 2018 г. за победившего претендента (настоящего главу государства);

β_2 – явка на президентских выборах 2018 г.;

α_3 – доля проголосовавших за поправки в Конституцию РФ на референдуме 2020 г.;

β_3 – явка на референдуме 2020 г. по поправкам в Конституцию РФ.

Этот индекс может объяснять предпочтения федеральной власти при распределении трансфертов.

С учетом ранее выявленных функций и институциональных оснований межбюджетных трансфертов в результате проведения ряда предварительных тестов была предложена следующая спецификация эконометрической модели, устанавливающей зависимость уровня межбюджетной помощи регионам от ряда важных социально-экономических и политико-экономических показателей:

$$transf = a_0 + a_1 \cdot \ln y + a_2 \cdot workload + a_3 \cdot invest + a_4 \cdot area + a_5 \cdot Loyal + a_6 \cdot Loyal^2 + \varepsilon, \quad (2)$$

где $transf$ – доля безвозмездной помощи в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ;

$\ln y$ – натуральный логарифм собственных (налоговых и неналоговых) доходов субъектов РФ на душу населения;

$workload$ – социальная нагрузка на одного работающего в регионе, рассчитываемая как отношение занятых к незанятым;

$invest$ – инвестиции в основной капитал на одного работающего в регионе;

$area$ – площадь в расчете на одного жителя региона;

Loyal – индекс политической лояльности региона;

$Loyal^2$ – его квадрат (что позволяет идентифицировать две возможные стратегии властей).

Нами тестируются следующие гипотезы:

1) уровень межбюджетной помощи выше в регионах с более низким уровнем собственных доходов бюджетов, т.е. коэффициент при $\ln y$ отрицательный. Таким образом мы подтверждаем выравнивающую функцию трансфертов;

2) уровень межбюджетной помощи выше в регионах с более высокой социальной нагрузкой, т.е. коэффициент при *workload* положительный, что подтверждает социальную функцию трансфертов;

3) уровень межбюджетной помощи выше в инвестиционно активных регионах, коэффициент при *invest* положительный, что подтверждает стимулирующую функцию трансфертов;

4) уровень межбюджетной помощи выше в больших по площади регионах с меньшей плотностью населения, коэффициент при *area* положительный. Введение этой переменной связано с тем, что часть трансфертов инфраструктурного характера скорее зависит не от многочисленности населения региона, а от его территории;

5) уровень межбюджетной помощи связан с уровнем политической лояльности, и эта связь может быть как прямой, так и обратной, что выявляется с помощью коэффициентов при *Loyal* и $Loyal^2$.

Результаты исследования и их обсуждение

Как показало наше теоретическое исследование, межбюджетная помощь прежде всего призвана компенсировать недостаток собственных доходов субфедеральных бюджетов. Рисунок 1 демонстрирует существенную отрицательную зависимость уровня безвозмездной помощи субъектам РФ от их собственных бюджетных доходов на душу населения в 2020 г. Таким образом, выполняется главная функция федеральной помощи – выравнивание уровня бюджетной обеспеченности регионов и снижение межрегионального неравенства.

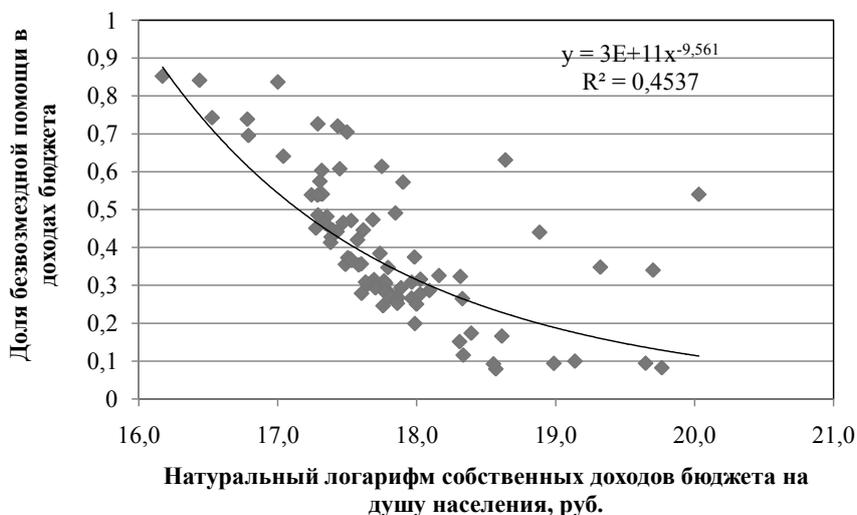

Рис. 1. Связь уровня межбюджетных трансфертов с уровнем собственных доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ, 2020 г.

Источник: расчеты автора

Поскольку часть межбюджетных трансфертов так или иначе связана с социальными расходами (на здравоохранение, образование, социальную помощь), их доля в бюджетных доходах также должна коррелировать с количеством нуждающихся в этой помощи. К социально незащищенным категориям населения в первую очередь относятся неработающие (дети, пенсионеры, уча-

щиеся, инвалиды, безработные и пр.). Рисунок 2 наглядно демонстрирует положительную связь уровня межбюджетных трансфертов с социальной нагрузкой на работающих, что подтверждает наше предположение о социальной функции трансфертов.

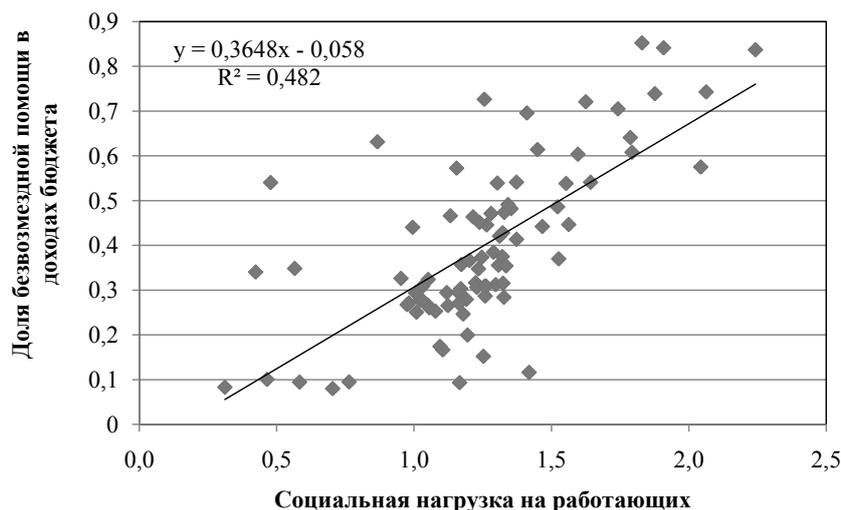

Рис. 2. Связь уровня межбюджетных трансфертов с уровнем социальной нагрузки на работающих в регионах РФ, 2020 г.

Источник: расчеты автора

Кроме выравнивающей и социальной функции трансферты также выполняют стимулирующую функцию, которая реализуется через финансирование инвестиционных проектов в регионах. Для проверки связи трансфертов с уровнем инвестиционной активности российских регионов использовался показатель уровня инвестиций в основной капитал на одного занятого в 2020 г. Рисунок 3 отчетливо свидетельствует о том, что связь федеральной помощи с уровнем инвестиционной активности региона слабо отрицательная и неустойчивая. Однако парная регрессия в данном случае может быть непоказательной, потому что уровень инвестиционной активности, как правило, выше в более развитых регионах, лучше обеспеченных собственными финансовыми ресурсами и менее нуждающихся в федеральной помощи. Игнорирование этого обстоятельства может привести к эндогенности в регрессии и несостоятельности полученных оценок. Поэтому влияние уровня инвестиционной активности правильнее анализировать в рамках многофакторных регрессий.

Кроме того, в более обеспеченных регионах выше уровень капиталоемкости национального дохода и капиталовооруженности занятых, поэтому в них, как правило, ниже уровень межбюджетной помощи, что подтверждается рис. 4.

При анализе межбюджетной помощи в РФ следует учитывать то, что не все федеральные трансферты распределяются в подушевом выражении. Некоторые трансферты зависят от масштабов территории (например, субсидии на финансирование инфраструктурных проектов) или других параметров региона. Показательным является Чукотский АО и ряд других малочисленных регионов Дальнего Востока. Несмотря на один из самых высоких уровней собственных доходов территориальных бюджетов на душу населения, уровень расходов в таких регионах еще выше, и они являются перманентно дотационными. Так, в Чукотском АО собственные доходы консолидированного бюджета субъекта Федерации на душу населения в 2020 г. составляли 499,8 тыс. руб. при среднероссийском уровне 73,6 тыс. руб. Даже в условиях пандемии 2020 г., когда федеральная поддержка этого региона резко упала, уровень его дотационности составлял 54% при среднероссийском показателе 48,2%. В 2019 г. поддержка ЧАО с помощью федеральных трансфертов была существенно выше: 71,8% при среднероссийском уровне 19%. Другой пример – Камчатский край. В том же 2019 г. уровень собственных доходов консолидированного бюджета на душу населения в крае превышал среднероссийский показатель на 64,1%, а уровень дотационности составлял 58,4%.

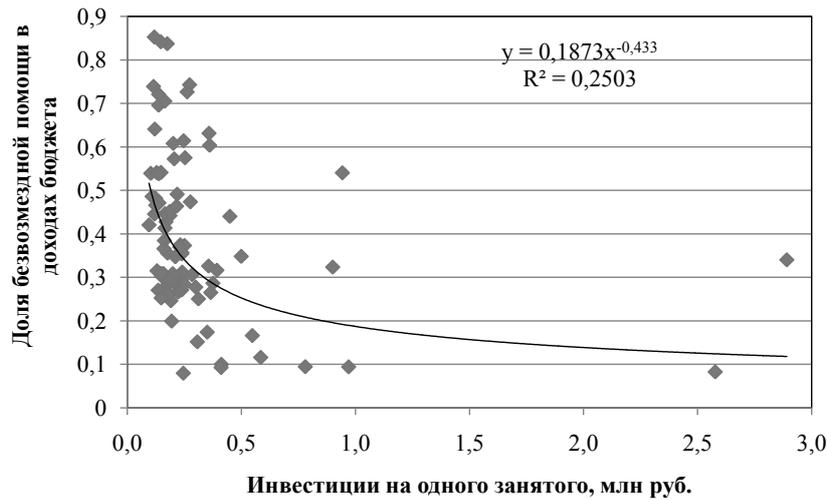

Рис. 3. Связь уровня межбюджетных трансфертов с уровнем инвестиционной активности российских регионов, 2020 г.

Источник: расчеты автора

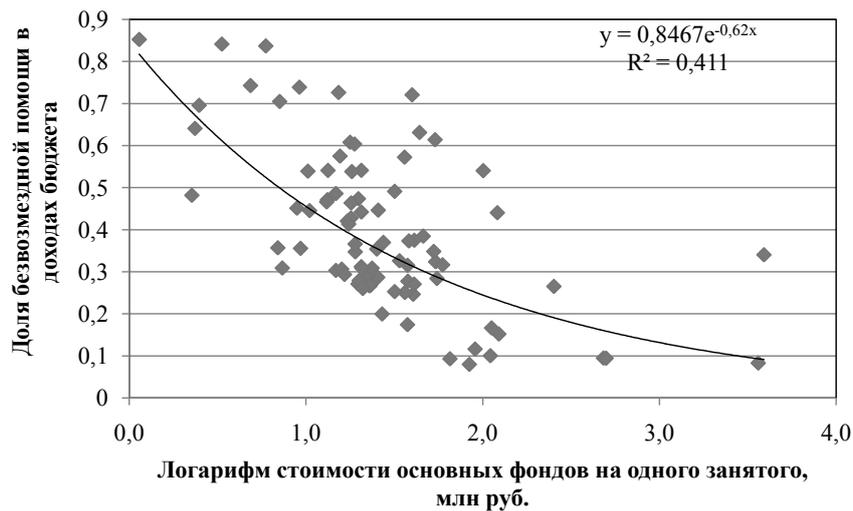

Рис. 4. Связь уровня межбюджетных трансфертов с уровнем капиталовооруженности труда в российских регионах, 2020 г.

Источник: расчеты автора

Для учета влияния фактора площади мы вводим в анализ показатель плотности населения в регионе (количество жителей на м² площади). Поскольку парные зависимости с уровнем межбюджетной помощи в данном случае не прослеживаются, мы используем обратный (плотности населения) показатель в качестве объясняющей переменной многофакторной регрессии.

Все ранее перечисленные обстоятельства (уровень развития региона и его обеспеченность собственными ресурсами, его потребность в социальной и инвестиционной поддержке) так или иначе связаны с объективными функциями трансфертов (выравнивающей, социальной, стимулирующей и пр.). Но кроме формальных институтов, сконструированных с учетом достижения этих функций, на распределение межбюджетной помощи в РФ очевидно влияют и неформальные институты. Последние могут играть немаловажную роль и при разработке формальных правил, в которых специально оставляются лакуны для маневрирования с целью реализации субъективных целей участников политического процесса.

Поэтому фактическое распределение межбюджетной помощи может отражать как собственные политические предпочтения центра, так и силу лоббирования региональными лидерами

местных интересов. Очевидно, пробивная сила регионального лидера зависит как от его личностных качеств, так и от его репутации у федеральных властей.

На рис. 5 представлена зависимость уровня межбюджетных трансфертов от рассчитанного по формуле (1) индекса лояльности региона к власти. Из рисунка видно, что высокая лояльность к власти в целом положительно сказывается на уровне трансфертов. Однако более низкая лояльность может приводить к совершенно разным результатам: часть таких регионов получает в среднем меньшие трансферты, однако другие регионы, напротив, пользуются относительно более высокой поддержкой центра. Это объясняется тем, что лояльность является значимым, но не единственным фактором финансирования со стороны федерального бюджета, поэтому при таком анализе парные регрессии не являются достаточными.

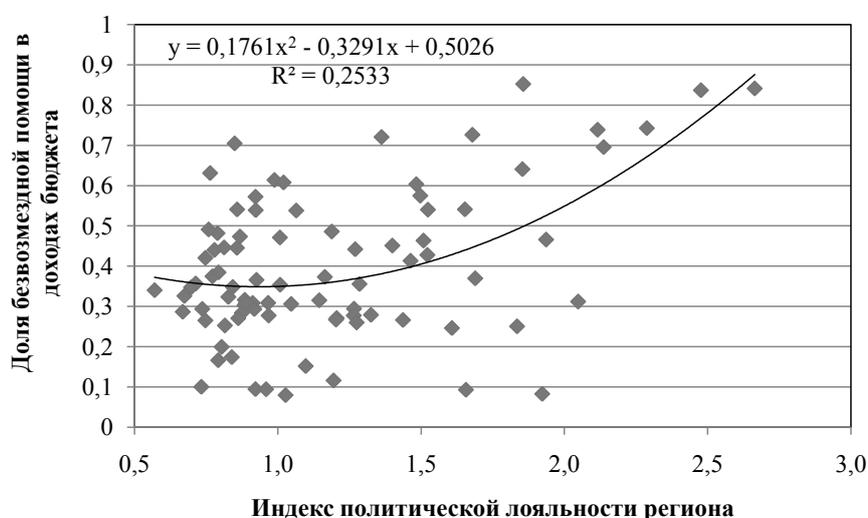

Рис. 5. Связь уровня межбюджетных трансфертов с индексом политической лояльности регионов РФ, 2020 г.

Источник: расчеты автора

Проанализировав вероятные факторы, влияющие на распределение межбюджетных трансфертов, перейдем к построению множественной регрессии.

В табл. 1 представлены результаты оценивания регрессии (формула 2) методом наименьших квадратов с коррекцией на гетероскедастичность.

Таблица 1

Оценки регрессии для уровня трансфертов в регионах, $transf$ (N=85, робастные стандартные ошибки)

Объясняющие переменные	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	Значимость оценки	
			(p-value)	уровень
Константа	3,791	0,789	<0,00001	***
$\ln y$	-0,201	0,042	<0,00001	***
<i>workload</i>	0,181	0,061	0,00429	***
<i>invest</i>	0,083	0,029	0,00566	***
<i>area</i>	0,057	0,008	<0,00001	***
<i>Loyal</i>	-0,281	0,126	0,02806	**
<i>Loyal</i> ²	0,164	0,071	0,02396	**
R ²			0,731	

Источник: расчеты автора

Оцененная регрессия значима по критерию Фишера, а ее коэффициенты и константа значимы по критерию Стьюдента. Кроме того, она успешно прошла тест Уайта на гетероскедастичность ($\rho = 0,171$ для нулевой гипотезы о гомоскедастичности остатков). Однако в ней не соблюдается нормальность остатков (по критерию согласия Пирсона χ^2), хотя это никак не влияет на МНК-оценки. Наконец, независимые переменные объясняют более 73% вариации зависимой переменной, что представляется очень хорошим результатом.

Знаки при коэффициентах модели указывают на направленность связи переменных. На их основе мы подтверждаем гипотезы о том, что уровень трансфертов в среднем ниже в более обеспеченных регионах, но выше в регионах с высокой долей неработающего населения, большей инвестиционной активностью и низкой плотностью населения (большей территорией на душу населения). Все это также косвенно свидетельствует о выполнении трансфертами выравнивающей, социальной и стимулирующей (инвестиционной) функций в российской экономике.

Кроме того, подтверждается параболическая (с ветвями вверх) зависимость уровня трансфертов в регионах от индекса их политической лояльности. Это может свидетельствовать о присутствии двух стратегий российских властей: поощрения политически лояльных регионов и стимулирования более оппозиционных. Примерами последних являются Ненецкий АО с самым низким индексом лояльности ($Loyal = 0,57$) и уровнем дотационности в 2020 г. 34%, Томская (0,70 и 34,7%) и Омская области (0,71 и 35,7%). В то же время уровень дотационности пяти самых лояльных регионов: Чечни ($Loyal = 2,66$), Тывы (2,48), Дагестана (2,29), Кабардино-Балкарии (2,14) и Карачаево-Черкесии (2,12) – колеблется в пределах 70–84%.

Между тем изучение взаимосвязи политической лояльности и федеральной поддержки неизбежно порождает вопрос: что есть причина, а что следствие. Лояльность снизу гарантирует поддержку сверху, или получение щедрой межбюджетной помощи вызывает искреннее желание населения регионов ответить взаимностью? Ответ на эти вопросы требует более деликатных исследований и построения более сложных моделей, которые мы оставляем на будущее.

Заключение

Нами проведен всесторонний анализ отечественной и зарубежной литературы по проблемам формирования уровня централизации ресурсов и эффективной межбюджетной помощи, выявлены функции трансфертов в федеративном государстве. Раскрыто влияние институциональной среды и политических процессов, политического делового цикла, тактических предпочтений, фаворитизма, манипулирования и лоббирования на распределение федеральной помощи регионам в разных странах.

Исследовано влияние социально-экономических и политико-экономических факторов на уровень федеральной помощи российским регионам в современных условиях. На основе официальных данных о явке и голосовании на двух выборах и референдуме сконструирован и рассчитан индекс политической лояльности российских регионов. Разработана эконометрическая модель, объясняющая степень дотационности региона рядом социально-экономических факторов (размером собственных бюджетных доходов на душу населения, уровнем социальной нагрузки на работающих, инвестиционной активностью и плотностью населения), а также уровнем его политической лояльности.

На основе построенной модели мы подтвердили выполнение межбюджетными трансфертами в российской экономике выравнивающей, социальной и стимулирующей функций, а также их неоднозначную связь с политической лояльностью региона: обнаружено, что центр явно поддерживает более лояльные регионы, тогда как в отношении менее лояльных ведет себя дифференцированно.

Проведенное исследование имеет ряд ограничений, преодоление которых открывает перспективы будущей работы. Во-первых, нами использован статический анализ, в качестве года исследования выбран год пандемии, когда многие бюджетные процессы отчасти носили нетрадиционный характер. Последующий динамический анализ позволит оценить как стабилизационную функцию трансфертов во время кризиса, так и влияние политического делового цикла на распределение межбюджетной помощи. Во-вторых, мы использовали номинальные показатели, которые

отражают не только разный уровень деловой активности, но и разный уровень цен в регионах. Дефлирование анализируемых показателей, приведение их к реальным величинам должно несколько скорректировать результаты, в частности, снизить уровень межрегиональных различий в бюджетной сфере. Подобные корректировки мы также оставляем на будущее. В-третьих, среди политико-экономических факторов мы оценивали политическую лояльность регионов. Подбор и введение в последующий анализ прокси-переменной для административного ресурса регионального лидера позволит проверить гипотезу о влиянии авторитета и лоббистской силы региональной власти на уровень федеральных трансфертов регионам РФ. Заметим, что нами предпринимались попытки включения в анализ также дамми-переменной принадлежности регионального лидера партии власти, но они не привели к однозначным выводам.

Наша статья проливает свет на особенности формирования межбюджетной помощи в современных макроэкономических и институциональных условиях России, что может быть полезно как для научного сообщества, так и представителей разных уровней власти при формировании эффективной системы межбюджетных отношений в современной России.

Литература / References

- Божечкова А.В. и др. (2018). Стабилизационные свойства трансфертов, выделяемых регионам России из федерального бюджета. *Журнал Новой экономической ассоциации* 4(40), 61–83. [Bozhechkova, A. et al. (2018). Stabilization properties of federal fiscal transfers to Russian regions. *Journal of the New Economic Association* 4(40), 61–83 (in Russian)]. DOI: 10.31737/2221-2264-2018-40-4-3
- Дерюгин А.Н. (2016). Выравнивание регионов: сохраняются ли стимулы к развитию? *Экономическая политика* 11(6), 170–191. [Deryugin, A. (2016). Regional equalization: Are there incentives to development? *Economic Policy* 11(6), 170–191 (in Russian)]. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-6-08
- Дерюгин А.Н. (2020). Региональные бюджеты в январе–мае 2020 г.: федеральные трансферты стабилизируют ситуацию. *Экономическое развитие России* 27(7), 112–115. [Deryugin, A. (2020). Regions' budgets in January–May 2020: Fiscal transfers stabilize the situation. *Economic Development of Russia*. 27(7), 112–115 (in Russian)].
- Зубаревич Н.В. (2015). Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации. *Журнал Новой экономической ассоциации* 2(26), 226–230. [Zubarevich, N. (2015). Spatial strategy after the crisis: From the big projects to institutional modernization. *Journal of the New Economic Association* 2(26), 226–230 (in Russian)].
- Зубаревич Н.В. (2021). Возможности децентрализации в год пандемии: что показывает бюджетный анализ? *Региональные исследования* 1(71), 46–57. [Zubarevich, N. (2021). Possibility of decentralisation during the year of pandemic: What does the analysis of public budgets reveal? *Regionalnye issledovaniya* 1(71), 46–57 (in Russian)]. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-1-4
- Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А. (2021). Бюджетный федерализм в России: быть или не быть? *Вопросы экономики* (1), 143–160. [Lavrovskii, B. and Goryushkina, E. (2021). Fiscal federalism in Russia: To be or not to be? *Voprosy Ekonomiki* (1), 143–160 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-143-160
- Малкина М.Ю. (2021). Устойчивость бюджетных доходов субъектов РФ и ее источники. *Экономика региона* 17(4), 1376–1389. [Malkina, M. (2021). Sustainability of regional budget revenues and its sources. *Economy of region* 17(4), 1376–1389 (in Russian)]. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-23
- Малкина М.Ю. (2022). Доходы бюджетов субъектов Российской Федерации в условиях пандемии: пространственный разворот. *Регион: Экономика и Социология* (2), 3–32. [Malkina, M. (2022). Revenue of Russian sub-federal budgets under the pandemic: A spatial reversal. *Region: Economics and Sociology* (2), 3–32 (in Russian)]. DOI: 10.15372/REG20220201
- Михайлова А.А. (2017). Межбюджетные трансферты как механизм стимулирования роста экономики регионов. *Финансовый журнал* 3, 49–56. [Mikhaylova, A. (2017). Interbudgetary transfers as a stimulation mechanism of regional growth. *Financial Journal* 3, 49–56 (in Russian)].

- Михайлова А.А., Климанов В.В., Сафина А.И. (2018). Влияние межбюджетных трансфертов на экономический рост и структуру региональной экономики. *Вопросы экономики* (1), 91–103. [Mikhaylova, A., Klimanov, V. and Safina, A. (2018). The impact of intergovernmental fiscal transfers on economic growth and the structure of the regional economy. *Voprosy Ekonomiki* (1), 91–103 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-91-103
- Одинг Н., Савулькин Л., Юшков А. (2016). Российский бюджетный федерализм через призму реализации правительственных программ *Экономическая политика* **11**(4), 93–114. [Oding, N., Savulkin, L., Yushkov, A. (2016). Fiscal federalism in Russia through the lens of government programs implementation. *Economic Policy* **11**(4), 93–114 (in Russian).] DOI: 10.18288/1994-5124-2016-4-04
- Стародубцев А.В. (2009). *Политическая лояльность или экономическая эффективность? Политические и социально-экономические факторы распределения межбюджетных трансфертов в России*. Препринт М-02/09. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 28 с. [Starodubtsev, A. (2009). *Political loyalty or economic efficiency? Political and socio-economic factors in the distribution of interbudgetary transfers in Russia*. Working paper М-02/09. St.Petersburg: Publishing House of the European University in St.Petersburg, 28 p. (in Russian)].
- Тимушев Е.Н. (2018). Доходы, гранты и фискальные стимулы: оценка и причины эффектов децентрализации бюджетной системы РФ. *Вопросы экономики* (1), 71–90. [Timushev, E. (2018). Revenues, grants, and fiscal incentives-evaluation and the causes of decentralization effects in the budgetary system of Russia. *Voprosy Ekonomiki* (1), 71–90 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-71-90
- Юшков А.О. (2016). Бюджетная децентрализация и региональный экономический рост: теория, эмпирика, российский опыт. *Вопросы экономики* (2), 94–110. [Yushkov, A.O. (2016). Fiscal decentralization and regional economic growth: theory, empirical studies, and Russian experience. *Voprosy Ekonomiki* (2), 94–110 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-2-94-110
- Юшков А.О., Одинг Н.Ю., Савулькин Л.И. (2018). Дотационные регионы России: сценарии увеличения бюджетных доходов. *Вопросы экономики* (12), 46–65. [Yushkov, A., Oding, N. and Savulkin, L. (2018). Transfer-dependent regions of Russia: Scenarios for increasing the budget revenues. *Voprosy Ekonomiki* (12), 46–65 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-12-46-65
- Albouy, D. (2012). Evaluating the efficiency and equity of federal fiscal equalization. *Journal of Public Economics* **96**, 824–839. DOI: 10.1016/j.jpubeco
- Alexeev, M. and Chernyavskiy, A. (2018). A tale of two crises: Federal transfers and regional economies in Russia in 2009 and 2014–2015. *Economic Systems* **42**(2), 175–185. DOI: 10.1016/j.ecosys.2017.07.002
- Alexeev, M. and Mamedov, A. (2017). Factors determining intra-regional fiscal decentralization in Russia and the US. *Russian Journal of Economics* **3**(4), 425–444. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.12.007
- Bellofatto, A. and Besfamille, M. (2021). Tax decentralization notwithstanding regional disparities. *Journal of Urban Economics* **123**, 103346. DOI: 10.1016/j.jue.2021.103346
- Blöchliger, H. and Égert, B. (2017). Intergovernmental transfers: Are they pro- or counter-cyclical? *Economia pubblica* **3**, 5–20. DOI: 10.3280/EP2017-003001
- Bugarin, M. and Marciniuk, F. (2017). Strategic partisan transfers in a fiscal federation: evidence from a new Brazilian database. *Journal of Applied Economics* **20**(2), 211–239. DOI: 10.1016/S1514-0326(17)30010-7
- Chen, C. et al. (2021). A Cross-Country Comparison of Fiscal Policy Responses to the COVID-19 Global Pandemic. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice* **23**(2), 262–273, DOI: 10.1080/13876988.2021.1878885
- Clemens, J. and Veuger, S. (2021). Politics and the distribution of federal funds: Evidence from federal legislation in response to COVID-19. *Journal of Public Economics* **204**, 104554. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2021.104554
- Corvalan, A., Cox, P. and Osorio, R. (2018). Indirect political budget cycles: Evidence from Chilean municipalities. *Journal of Development Economics* **133**, 1–14. DOI: 10.1016/j.jdevco.2018.01.001

- Di Bella, G., Dynnikova, O. and Grigoli, F. (2018). Fiscal federalism and regional performance in Russia. *Russian Journal of Economics* **4**(2), 108–132. DOI: 10.3897/j.ruje.4.27741
- Faria-e-Castro, M. (2021). Fiscal policy during a pandemic. *Journal of Economic Dynamics and Control* **125**, 104088. DOI: 10.1016/j.jedc.2021.104088
- Feld, L. et al. (2021). Fiscal federalism and income inequality: An empirical analysis for Switzerland. *Journal of Economic Behavior & Organization* **185**, 463–494. DOI: 10.1016/j.jebo.2021.02.028
- Fisman, R. and Gatti, R. (2002). Decentralization and Corruption: Evidence from U.S. Federal Transfer Programs. *Public Choice* **113**, 25–35. DOI: 10.1023/A:1020311511787
- Gonschorek, G. (2021). Subnational favoritism in development grant allocations: Empirical evidence from decentralized Indonesia. *World Development* **139**, 105299. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105299
- Hailemariam, A. and Dzhumashev, R. (2019). Fiscal equalization and composition of subnational government spending: Implications for regional convergence. *Regional Studies* **53**(4), 587–601. DOI: 10.1080/00343404.2018.1481287
- Holm-Hadulla, F. (2020). Fiscal equalization and the tax structure. *Regional Science and Urban Economics* **81**, 103519. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2020.103519
- Joanis, M. (2018). The politics of checkbook federalism: Can electoral considerations affect federal-provincial transfers? *Public Finance Review* **46**(4), 665–691. DOI: 10.1177/1091142116679728
- Kang, W. (2018). Presidential pork barrel politics with polarized voters. *Political Geography* **67**, 12–22. DOI: 10.1016/j.polgeo.2018.09.001
- Kinda, M., Lengyel, A. and Chahande, K. (2022). *Fiscal multipliers during pandemics*. IMF Working Papers 149. DOI: 10.5089/9798400215698.001
- Kotsogiannis, C. and Schwager, R. (2006). *Fiscal equalization and Yardstick competition*. Paper delivered at the Conference “New Directions in Fiscal Federalism”, September 14–16, 2006, Lexington, Kentucky.
- Lago, M., Lago-Peñas, S. and Martínez-Vázquez, J. (2022). *On the effects of intergovernmental grants: A survey*. GEN Working Paper A 2022 – 4. <https://infogen.webs.uvigo.es/> (accessed July 30 2022)
- Lara, B. and Toro, M. (2019). Tactical distribution in local funding: The value of an aligned mayor. *European Journal of Political Economy* **56**, 74–89. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2018.07.006
- Liu, Y., Martínez-Vázquez, J. and Wu, A. (2017). Fiscal decentralization, equalization, and intra-provincial inequality in China. *International Tax and Public Finance* **24**, 248–281. DOI: 10.1007/s10797-016-9416-1
- Petraglia, C., Pierucci, E. and Scalera, D. (2020). Interregional redistribution and risk sharing through public budget. The case of Italy in times of crisis (2000–2016). *Structural Change and Economic Dynamics* **53**, 162–169. DOI: 10.1016/j.strueco.2020.02.005
- Sharafutdinova, G. and Turovsky, R. (2017). The politics of federal transfers in Putin’s Russia: Regional competition, lobbying, and federal priorities. *Post-Soviet Affairs* **33**(2), 161–175. DOI: 10.1080/1060586X.2016.1163826
- Song, Y. (2013). Rising Chinese regional income inequality: The role of fiscal decentralization. *China Economic Review* **27**, 294–309. DOI: 10.1016/j.chieco.2013.02.001
- Xing, J. and Fuest, C. (2018). Central-local government fiscal relations and cyclicity of public spending: evidence from China. *International Tax Public Finance* **25**, 946–980. DOI: 10.1007/s10797-017-9478-8
- Yakovlev, A., Marques, I. and Nazrullaeva, E. (2011). *From competition to dominance: Political determinants of federal transfers in the Russian Federation*. Basic research program. Working papers. Series: economics, WP BRP 12/EC/2011.